

РАБОТАЮЩИЕ БЕДНЫЕ: ВЕЛИК ЛИ ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Радаев Вадим Валерьевич

д.э.н., зав. кафедрой экономической социологии ГУ - ВШЭ,
проректор ГУ-ВШЭ; директор Интерцентра Московской школы социальных и
экономических наук.
E-mail: radaev@hse.ru

Похоже, мы заново открываем для себя явление бедности. Понимая, конечно, что она не порождена перестройкой. Что в советское время мы попросту стыдливо ее скрывали. И только из немногочисленных материалов для служебного пользования можно было узнать, что в ситуации бедности находилось 15-20% населения. Сегодня данные расходятся, но в целом можно заключить, что в число бедных попадают 30-40% россиян. По данным Министерства экономики Российской Федерации, к октябрю 1999 г. к ним отнесены 49 млн. из 145.8 млн. российского населения. Речь идет о тех, кто получает доходы ниже официально установленного прожиточного минимума. Конкретные цифры сильно зависят от способов расчета. Вдобавок, данные советского и постсоветского периодов несопоставимы, ибо прожиточный минимум считался совершенно по-разному. И трудно сказать, произошло ли абсолютное ухудшение положения основной массы населения. Но мало кто возьмется оспаривать то, что в результате возросшей дифференциации доходов увеличились масштабы относительной бедности – многие стали беднее относительно преуспевающих групп и принципиально новых возможностей. И главное, лицо российской бедности заметно изменилось.

Откуда приходит новая бедность

Ранее, когда вспоминали о бедных, мы привычно представляли себе матерей-одиночек, многодетные семьи, неработающих пенсионеров и других представителей традиционно уязвимых групп населения. Многие из них остаются в бедности и по сей день [Брейтуейт, 1998]. Еще ниже, на самом “дне” по-прежнему пребывают опустившиеся элементы – бомжи, хронические алкоголики. Однако последние годы приготовили нам “сюрприз”. На другом полюсе от предмета многочисленных анекдотов - “новых русских” - возникла совсем не анекдотическая группа. Причем, это не ветхие старики, не одинокие матери и не бессильные инвалиды. Речь идет о людях в трудоспособном возрасте, порою в расцвете сил и возможностей, многие из которых живут в полных благополучных семьях. Ныне их называют “новыми бедными”.

Среди новых групп, оказавшихся за чертой бедности, наше внимание чаще всего привлекает отряд безработных. Он благополучно перешагнул через 10-процентную отметку и продолжает множить свои ряды. В последнее время все более обостряются проблемы вынужденных мигрантов, беженцев. На фоне их крайне тяжелой ситуации несколько в тени остается другая категория новых бедных. Это люди, которые имеют и жилье, и работу, причем полноценную штатную работу, но или вовсе не получают заработной платы, или получают ее с большими задержками, или, наконец, их зарплата столь низка, что ее не хватает на приличное существование. Таких людей у нас сегодня отнюдь не десятки и не сотни. Более того, они составляют не менее половины россиян, оказавшихся волею судеб в положении бедных, а в отдельные периоды их доля может превышать половину [Milanovic, 1998, p. 96]. Эту новую группу мы будем называть *работающими бедными*.

Кто попал в сеть?

Чтобы понять, как живут эти люди и как они справляются с возникшими трудностями, мы предприняли исследование в четырех городах России – Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Краснодаре. Исследование охватывало три маргинальные группы – безработных с достаточно длительным стажем, вынужденных мигрантов и работающих бедных. Мы оставим в стороне первые две группы, чтобы подробнее познакомиться с третьей. В нашем социологическом опросе приняли участие 258 работающих бедных (примерно поровну по четырем регионам). Кроме этого, мы записали 32 углубленных интервью, в которых люди рассказывали нам о своей ситуации. Интервью брались в самом конце 1998 г., опрос проводился в мае-июне 1999 г.¹

Где легче всего отыскать работающих бедных? Мы отобрали предприятия военно-промышленного комплекса и научные учреждения, которые ныне испытывают заметные трудности. Перед нами предстали два классических примера сфер занятости, где в былые времена работники чувствовали себя весьма неплохо. Работа была квалифицированной, творческой, престижной. А во многих местах платили солидные, по тем временам, деньги. К нынешнему дню ситуация изменилась самым драматическим образом. Материальные позиции плачевны, престиж работы резко упал.

Кто принял участие в нашем опросе? Две трети респондентов работают в промышленности, одна треть – в науке. Рабочие составили 29% выборки, 60% пришлось на специалистов и служащих, а остальные 11% опрошенных – руководители разного уровня (в основном речь идет о начальниках отделов, лабораторий). Все имеют стаж работы на данном месте не менее двух лет, а как правило, этот стаж превышает десятилетие. Мужчины составили 42%, а женщины - 58% обследованной группы. Более двух третей имеют полные семьи. Половина опрошенных старше 45 лет, что в принципе отражает сложившуюся ситуацию – молодые в последние годы из этих сфер активно уходили. Уровень образования довольно высокий – дипломы о высшем образовании имеют 47%.

Добавим, что на промышленных предприятиях и в научных учреждениях для анкетирования и интервью мы отбирали тех, кто относил себя к бедным и низкообеспеченным слоям по стандартной шкале ВЦИОМ и, таким образом, испытывал явные материальные затруднения.

Как возникли трудности?

Итак, после относительного благополучия люди, не сходя с рабочих мест, обнаружили себя на обочине. Как это произошло? На основной массе предприятий трудности начались после 1992 г. – где-то раньше, где-то позже. Сначала инфляция съела часть замороженных доходов. Потом начались задержки с выплатами заработной платы (с ними столкнулись 90% опрошенных). К моменту опроса задержки составили в среднем до 6-7 месяцев, но кое-где еще значились долги за 1996 г. Задолженность по зарплате нарастала и достигла ощутимой величины, превысив в среднем 4,5 тысячи рублей. Начисленные, но не выплаченные вовремя деньги благополучно обесцениваются, умножая потери (см. табл. 1).

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта “Совладание в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса” при поддержке Института “Открытое общество” (проект № 153/1998) коллективом в составе В.Радаева (руководитель), Е.Балабановой, М.Бурлуцкой, А.Демина, О.Кузиной, Л.Петровой.

Таблица 1. Задержки выплат и размер задолженности по заработной плате

	Промышленные предприятия	Научные учреждения
Наличие задержек заработной платы	99%	73%
Максимальная продолжительность задержек (в среднем за последние 12 мес.)	7 мес.	6 мес.
Наличие задолженности по заработной плате	95%	72%
Средний размер задолженности	5.1 тыс. руб.	3.7 тыс. руб.

В трех четвертях случаев ухудшение происходило плавно, начинаясь с перебоев с заказами и доходя порою до отключения телефонов и отопления на предприятии. Более половины работников утверждают, что видели нависшую угрозу, но надеялись, что как-то обойдется. И к сожалению, ошиблись. Постепенно работников переводят на 3-4 дневную рабочую неделю (почти половина всех случаев). Ходить на работу они продолжают относительно регулярно, но трудовая дисциплина, естественно, ослабевает. Начальники понимают, что не могут требовать того, что требовали раньше. Условия труда постепенно ухудшаются, но интересы трудящихся блюсти некому – роль профсоюзных комитетов сошла на нет, к ним обращаются все реже. Вот как описывает этот процесс в своем интервью рабочий из Краснодара:

“Предприятие... 59 стран мира обеспечивало своими станками, которые шли на военную промышленность... Работали в 3 смены, люди зарабатывали деньги нормальные, кто хорошо работал. Было уважение к человеку труда, много профсоюзы делали в политической жизни, в профессиональной деятельности... А сейчас завод умирает, как на “кладбище”. Постоянно все цеха стоят “мертвые”, ничего не делается, чтобы возродить завод. Помещения сдаются в эксплуатацию под хранилища, склады коммерческие. Видно, администрацию это устраивает, они сдают площади в аренду и имеют деньги, а нам не платят. Иногда только понемножку дают денег” (мужчина, 50 лет, электрогазосварщик).

Не исчезает и опасность административных сокращений. О них говорят более 40% опрошенных (см. табл. 2). И сегодня более чем треть работников опасаются потерять свое место. Каждому пятому уже приходилось хотя бы раз в течение последнего года побывать в административном отпуске (в основном в пределах месяца). Но главная линия администрации состоит не в том, чтобы выгонять на улицу, а в том, чтобы никого не удерживать – это скорее политика тихого пассивного выдавливания избыточной массы занятых. На прежних местах остаются две категории работников – немногочисленные энтузиасты и те, кому некуда уйти.

Таблица 2. Признаки ухудшения положения на предприятиях (%)

	Промышленные предприятия	Научные учреждения
Замораживание зарплаты	74	71
Длительные задержки зарплаты	91	61
Длительные административные отпуска	35	29
Переход на сокращенную рабочую неделю	58	32
Массовые сокращения кадров	43	46

Что они потеряли

Говоря о возникших трудностях, люди прежде всего указывают на утрату средств к нормальному существованию. Квалификацию пока удается поддерживать. На невозможность ее использования в деле указывает каждый третий, но на падение квалификации жалуются вдвое реже – в 17% случаев. На первых порах материальные потери куда более ощутимы.

Впрочем, с чисто материальной точки зрения все, может быть, и не так плохо, если сравнивать, например, с теми, у кого вообще нет никакой работы. Среди прочих маргиналов (длительных безработных, вынужденных мигрантов и др.) работающие бедные – группа относительно благополучная. И душевой доход здесь нередко превышает прожиточный минимум. Но дело ведь не в абстрактных цифрах. Бедность одним только рублем не измеришь. Она порождается состоянием депривации, невозможностью удовлетворить ключевые потребности. Ты оказываешься лишен того, к чему привык за долгие годы, и того, что считается нормальным для людей твоего круга. И не исключено, что в данном случае именно в резком сужении возможностей кроется самая болезненная часть проблемы [О разных способах измерения бедности, см.: Бедность, 1998; Atkinson, 1998].

Обращает на себя внимание то, что на вторую позицию среди наиболее острых проблем после материального недостатка выходит проблема ухудшения здоровья, что особенно характерно для людей предпенсионного возраста (см. таблицу 3).

Таблица 3. Наиболее острые жизненные проблемы работающих бедных (%)

	Острая проблема	Главная проблема
<i>Основные непсихологические проблемы (выбрано из 12 позиций)</i>		
Нехватка средств для нормальной жизни	91	57
Ухудшение здоровья	40	8
Невозможность использовать квалификацию	34	9
Невозможность образования детей	25	9
<i>Основные психологические проблемы (выбрано из 6 позиций)</i>		
Неуверенность в завтрашнем дне	73	53
Зависимость от внешних обстоятельств	62	22

Проблемы со здоровьем отчасти вызваны тем, что на нехватку материальных средств наслаиваются психологические переживания, связанные с бременем нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, падением престижа собственного труда и уважения окружающих. Для многих они оказываются более существенными, нежели чисто материальные потери. Разрушается уважение к себе, ибо тебе - квалифицированному работнику – приходится трудиться бесплатно. Накапливается обида: “чем мы виноваты, мы же не отказываемся от работы”.

Нередко происходит распад дружных прежде коллективов. Вот как рассказывает об этом молодая сотрудница научно-производственного объединения:

“У нас был самый молодой отдел, перспективный... Руководительница специально подобрала самых молодых сообразительных ребят. А потом, когда начались невыплаты зарплаты, они практически все уволились, ушли в частные агентства... Мне поэтому очень тяжело, когда вспоминаешь, как ты работал. Психологический климат очень плохой. Все считают неудачником, раз ты не уволился, то есть не можешь себе что-то найти” (женщина, 27 лет, маркетолог, Екатеринбург).

Утрата роли кормильца способна изменить образ жизни и взаимоотношения в семье. Нет, они не становятся хуже. Но зачастую в деликатных ситуациях приходится теперь скромно помалкивать. Или, например, один рабочий, потерявший стабильный заработок, в интервью признался, что бросил пить с друзьями – неудобно перед женой и родными.

Ситуация отражается и на общих оценках собственного положения. До того, как дела пошли худо, более 90% относили себя к среднему классу или даже ставили себя немного выше. Сегодня более 80% считают, что их общественное положение ниже среднего, а к верхнему среднему слою себя уже не относит никто. При этом более половины уверены, что за последние годы их положение по сравнению с окружающими ухудшилось. Особенно часто это подмечается пожилыми работниками.

Что же касается будущего, то никаких планов уже многие не строят, перспектива потеряна. Слишком высока неопределенность, да и выбора зачастую никакого не видят – “жизнь диктует свои условия”.

Почему они не уходят?

Так почему же они не уходят с предприятия, если все так плохо? Причин называют предостаточно. Во-первых, здесь относительно много пожилых работников, приближающихся к пенсионному возрасту. Они считают, что уходить уже поздно, жалуются, что люди после 40 лет уже никому не нужны (особенно это характерно для женщин).

Во-вторых, не уходят, потому что важно “быть где-то”. Государственные предприятия по-прежнему ассоциируются с некоторой стабильностью. А за их воротами начинается зона сплошной неопределенности. Коммерческие фирмы, хотя и работают, но выглядят ненадежно – в любой момент могут посыпаться. И кризис 1998 г. для многих стал подтверждением этих опасений.

В-третьих, уходить по собственному желанию кажется неразумным. Так хотя бы сохраняется какая-то надежда на получение долга, а уйдешь – все потеряешь, и даже выходного пособия не получишь (особенно в это верят более пожилые работники).

В-четвертых, привязанность к предприятию, где “все налажено” и где “хороший коллектив”, оказывается достаточно сильной. Да и воспитывали людей в советское время соответствующим образом – скакать с места на место считалось чем-то не вполне приличным. “Пришел, так работай”. Уровень потенциальной мобильности вообще довольно низкий. Например, к переезду на другое место жительства большинство относятся крайне отрицательно. Лишь каждый девятый согласился бы переехать в другой город, если бы предложили хорошую работу, причем в основном это касается молодежи.

В-пятых, многим не хватает уверенности в себе. Кто-то пытался устроиться по объявлениям, пару раз получил отказ и, обескураженный, отказался от дальнейших попыток.

“Каждый человек привыкает к коллективу, и потом была надежда, что все изменится к лучшему. Я сама по натуре – человек инертный, мне не хотелось менять чего-то резко, да и возраст тоже... Связей, конечно, недостаточно... И вообще нет надежды, что я найду подходящую работу, поэтому даже не хочется и пытаться” (женщина, 52 года, инженер, Москва).

В-шестых, работа дает возможности профессиональной самореализации, жалко также прерывать карьеру (что чаще встречается у мужчин). Женщин относительно больше заботит непрерывность их трудового стажа.

В-седьмых, работа на застывшем предприятии стала менее обременительной, оставляя больше свободного времени, что особенно ценится молодыми работниками. Основные причины суммированы нами в табл. 4.

Заметим, что совсем бросать работу практически никто не собирается. “Сидеть дома” – еще хуже, просто сплошное мучение.

“Если дома сидеть, то вообще с ума сойдешь. Здесь (на заводе – авт.) хоть как-то отвлекаешься. Коллектив, работа какая-то. А то будешь ходить на митинги и орать, если будешь дома сидеть” (мужчина, 60 лет, токарь, Москва).

Таблица 4. Причины сохранения прежнего места работы (в порядке убывания значимости (%))

	Возраст		Пол	
	45 лет и моложе	Старше 45 лет	Мужчины	Женщины
Привыкли к этой работе	49	62	57	54
Некуда идти	54	52	44	59
Жалко бросать коллектив	44	46	44	46
Надеются на улучшение	39	38	45	34
Ждут, что выплатят долг по зарплате	34	42	39	38
Работа позволяет реализоваться профессионально	34	33	44	27
Жалко прерывать карьеру	26	32	35	24
Не хотят прерывать стаж	28	30	24	33
Дорабатывают до пенсии	5	47	22	29
Используют рабочее место для приработков	33	18	33	20
Работа оставляет много свободного времени	32	16	22	25
Работа обеспечивает социальные льготы	4	3	5	3
Все равно где работать	3	4	6	2

Где ищут выход?

Если зарплату приходится дожидаться месяцами, откуда взять ресурсы для выживания? До ухудшения дел на предприятии 56% семей имели какие-то сбережения. Сейчас их имеют всего 7%. Да и те сильно обесценились (по крайней мере, в рублевой составляющей). А если что и осталось, долго на это не протянешь. Сдавать в аренду особо нечего, а продавать вещи – непривычно, да и кто их сейчас купит. Поэтому приходится экономить – сначала на отдыхе, потом на одежде, наконец, на еде.

“Мы мало едим, нам самим много не надо. Мясо мы покупаем только на суп, в среднем раз в два месяца – по 4 кг. Так мы мясо не едим. Не сложилось... Овощи – все наши. Картошку мы не покупаем. Морковь, свеклу, капусту – все это свое. Мы уже больше похожи на вегетарианцев... Раньше иногда разнообразили пищу. Покупали печенье, масло шоколадное, еще что-то. Сейчас мы об этом всем уже забыли” (семейная пара, по 25 лет, инженеры НИИ, Нижний Новгород).

Нетрудно предположить, что многие в подобной ситуации ищут работу. И действительно, об этом заявляют 43-45% опрошенных. Чаще всего это те, кто уже

имеет приработки. В интервью встречается довольно много рассуждений о том, что люди готовы пойти чуть ли не куда угодно (кроме, пожалуй, торговли на улице). Но, надо сказать, что реальная активность не столь высока, инертности довольно много. По данным опроса, конкретные попытки устроиться в течение последних трех месяцев совершали лишь 14-15%, а проявляли настойчивость в этом поиске и того меньше. Добавим, что ищут работу в основном через друзей и знакомых. В рекрутинговые агентства и центры занятости почти не обращаются. Впрочем, объявления о вакансиях читаются многими.

Если расставаться с привычным местом работы не хочется, то приходится искать дополнительные заработки. Поскольку предприятие или институт не могут обеспечить достаточного объема работ, одни работники сами начинают искать заказы и формировать под них временные трудовые коллективы. Другие ищут работу на стороне, даже порою уходят в неоплачиваемый административный отпуск, не бросая своего места. Третьи используют это место для работы на сторону. В целом вторичную занятость имеют около половины опрошенных, что намного выше обычного уровня. Однако в основном речь идет не о постоянной дополнительной работе (13%), а о нерегулярных приработках (43%). Чаще всего они связаны с индивидуальной деятельностью (три четверти случаев) и осуществляются в неформальной экономике, т.е. без всяких регистраций и договоров (более 80% случаев). У более чем половины “приработчиков” подобная занятость не превышает 10 часов в неделю. Конечно, изматывают приработки изрядно, а деньги приносят скромные, но все же позволяют в среднем удвоить фактический доход. К сожалению, августовский кризис 1998 г. сильно ударил именно по подработкам. Особенно в первое время после августа возможности получения дополнительных доходов резко сократились.

Не раз приходилось слышать о том, что люди в подобной ситуации кормятся от земли, т.е. плодами трудов в садах и огородах. В нашей группе имеют свои земельные участки многие – без малого 60% (в Краснодаре – 67%). И почти все на этих участках работают. Но, если верить интервью, безудержной тяги к подобному труду у людей, привыкших к квалифицированной творческой деятельности, в общем не наблюдается. Да и можно ли кормиться с шести соток на наших скудных почвах (за исключением того же Краснодара)?

Сказать, что активизировалась материальная помощь со стороны родственников и друзей, вряд ли возможно. Многие не в лучшей ситуации. Более чем у половины семей такой поддержки не оказалось. А возросла она в этот трудный период только в 8% случаев. Хотя 30% семей все же получают помощь деньгами или продуктами. Вдобавок, родные и близкие помогают по хозяйству, оказывают моральную поддержку, пытаются давать советы. На государственные же и общественные организации во всех отношениях надежды мало, хотя некоторые и пытаются к ним обращаться. Пожилых еще как-то спасает пенсия (в нашем случае таких 15%), бесплатный проезд в городском транспорте и другие льготы.

Ресурсы выживания различаются по основным социально-профессиональным группам. Например, руководители имеют в целом больше возможностей (кроме, пожалуй, помощи родных) (см. табл. 5).

Кто-то пытается использовать прибавку к свободному времени, чтобы больше трудиться по дому (28%) (любопытно, что в данной группе оказались равно и женщины, и мужчины). Но основное намерение людей – оставаться на предприятии и одновременно брать любые подвораживающиеся приработки. Большинство еще пытаются сохранить прежний стиль жизни, они не ломают его, а как бы “сжимаются”,

используя накопленные ранее резервы. Как говорят многие из них, дело еще не дошло до “крайней нужды”, когда придется что-то менять радикальным образом.

Таблица 5. Ресурсы выживания основных профессиональных групп (%)

Имели на момент опроса	Профессиональные группы		
	Рабочие	Специалисты и служащие	Руководители
Нормальный денежный доход	3	4	10
Сбережения (во всех видах)	5	7	13
Садово-огородное или личное подсобное хозяйство	57	58	67
Автомобиль	19	35	35
Нерегулярные приработки	45	48	43
Собственное дело	1	2	3
Денежная помощь родственников	19	24	10
Помощь родственников вещами и продуктами	22	23	10

Велик ли запас прочности?

Итак, жить, конечно, нелегко, но это еще не предел. Сохраняется какой-то запас прочности. С материальной точки зрения многие семьи имеют весьма солидный имущественный потенциал, накопленный в более благополучные годы. С бытовой техникой все обстоит более чем нормально. 45% семей живут в приватизированных или купленных квартирах. Душевая обеспеченность жилплощадью превышает санитарные нормы. Автомобили имеет 31% семей, гаражи - 27%, располагают садово-огородным участком или личным подсобным хозяйством - 59%.

Надолго ли хватит этого имущественного запаса? До той поры, пока не износится устаревающая бытовая техника, пока не заглохнет двигатель старенького автомобиля. С пополнением и обновлением домашнего машинного парка наблюдаются явные проблемы. От дорогостоящих покупок приходится отказываться. Загородные участки есть у многих, а вот строительство домов, с которым связывались немалые планы, фактически заморожено – по-прежнему предпринимают какие-то усилия на этом фронте лишь 4%, что по сегодняшнему времени ничтожно мало.

Психологический запас прочности у людей тоже, видимо, имеется. Удары судьбы весьма ощутимы, но общей подавленности, как правило, еще нет. Конечно, тяготит зависимость от внешних обстоятельств, но часто удается сохранить (быть может, по инерции) уверенность в себе как важный психологический ресурс. Сохраняется вера в то, что работа полезна для общества, хотя эта вера проходит серьезные испытания на прочность.

Многих наблюдателей сегодня интересует, велик ли конфликтный и протестный потенциал подобных групп. По нашим наблюдениям, он весьма умеренный. Лишь каждому пятому случалось обращаться к начальству с просьбами и требованиями об улучшении условий труда и оплаты. При этом одни предпочитали обращаться

индивидуально, другие шли с коллективными запросами (эти группы слабо пересекаются). Но и те, и другие, получив отказ, редко возобновляют свои попытки.

На митинги и забастовки случалось выходить 11-15% опрошенных. Да и в будущем выходить на улицы фактически никто не планирует. Большинство не видит в этом никакого толка. Один руководитель не без иронии предложил кинуть рельсы в подвале института и сидеть на них - результат, по его мнению, будет тот же. Правда, проводя интервью, мы старались не провоцировать разговоров о политике, но и рвения у респондентов особенного не наблюдалось.

Вообще проявления явной агрессии встречаются довольно редко. Средства массовой информации настойчивыми рассказами о бедственной ситуации в России добились таки результата. Люди, как правило, не предъявляют претензий к предприятию, тем более, к своим непосредственным начальникам: “Как в стране, так и у нас”. Как водится, безответные вопросы переносятся на далекие внешние обстоятельства – на общую тяжелую ситуацию и неправильную политику государства. Если и проскальзывают претензии, то они связаны со слухами о личном обогащении руководителей предприятий.

Успокаивает и некая вера в лучшее будущее. С одной стороны, большинство говорит о том, что в ближайшее время ничего не изменится – это звучит настойчивым рефреном. С другой стороны, и надежда не покидает. Считается, что государство, конечно, уже не поможет. Но вдруг появятся какие-то “заказчики с деньгами”. Лучше не уходить, если не завтра, то уж послезавтра наверняка все образуется, “ведь не может все время быть плохо”. А пока, что же делать, нужно “поджаться” и тянуть помаленьку.

Нужно ли им помогать?

В заключение сформулируем некоторые выводы. Первый вывод таков. Известно, что масштабы российской бедности весьма впечатляющи. Но ее глубина по сравнению с другими странами, в том числе с теми, кто вышел из постсоциалистического лагеря, пока не столь велика [Milanovic, 1998, p. 76-77]. В среднем душевые доходы бедных не дотягивают около одной трети до прожиточного минимума. И длительная застойная бедность – пока удел немногих. Семьи то сваливаются за черту бедности, то снова выкарабкиваются на чуть более высокую ступеньку [Braithwaite, 1999]. По мнению ведущих специалистов в данной области, вероятность попадания в группу бедных связана прежде всего не с низким уровнем доходов (хотя, что греха таить, доходы плачевные), но прежде всего с задержками выплат [Можина, Овчарова, 1998]. И существование большого отряда работающих бедных – важное объяснение нашей “турбулентной” бедности.

Второй вывод заключается в том, что с позиций абсолютной концепции бедности или относительного уровня доходов и расходов работающие бедные находятся не в самой худшей ситуации. У значительной доли этот уровень превышает официально установленный прожиточный минимум. И по сравнению, скажем, с длительными безработными или вынужденными мигрантами, с материальной точки зрения они вроде бы живут неплохо. А вот с точки зрения депривационного подхода, фиксирующего невозможность удовлетворения привычных потребностей и поддержания привычного стиля жизни их дела обстоят неважно. Мы полагаем, что в случае с работающими бедными лишенный подход П.Таунсенда, тщательно проработанный эконом-социологами Института социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством М.А.Можиной, может оказаться наиболее плодотворным [Бедность... 1998; Овчарова, Прокофьева, 1998].

Третий вывод указывает на то, что весьма многочисленные работающие бедные оказались вне систем социальной поддержки: и зарплату почти не получают, и за пособием по безработице обратиться не имеют права. Что же касается государственной помощи малообеспеченным, то еще с советского времени государство поддерживает множество специальных категорий населения. Но специфика работающих бедных состоит в том, что многие из них ни в какие спецкатегории не попадают.

Должны ли мы что-то делать или придется ждать оживления производства, в результате которого, как полагают, тугой узел развяжется сам собою? Да и возможно ли что-либо предпринять, когда российское государство год от году прогибается под бременем невыполнимых социальных обязательств. Где взять средства, чтобы помочь такому огромному количеству бедных? Но посмотрим, идут ли государственные средства (пусть ограниченные, но все же немалые) на их поддержку? Эксперты утверждают, что нет. Вне адресного распределения социальной помощи по специальным категориям населения значительная часть выплат и льгот попадает далеко не самым бедным слоям населения, а “размазывается” по широкому социальному спектру [Мисихина, 1999, с. 101-102].

Возможен вопрос: а при чем здесь государство, разве это не дело предприятий, которые не платят заработную плату? Может быть, “надо лучше работать”? Представляется, что в этом суждении содержится явный изъян. Ведь многие из завалившихся предприятий не просто созданы государством, они изначально выстроены в режиме, в котором они не могут существовать без государственной поддержки. И требовать, чтобы творцы ракетных двигателей выпускали ночные горшки, не вполне разумно.

Так, значит, надо и дальше тащить неподъемные гири безысходно убыточных предприятий, печатать деньги и в очередной раз прощать долги в надежде, что будет выплачена зарплата? Нет, решать судьбу этих предприятий несомненно нужно. Однако их положение – это одно, а судьба людей, которые в результате структурных ломок свалились за черту бедности, – совсем другое. Это во многом вопрос государства, а не оставленных им предприятий. И речь идет, разумеется, не о том, что государство должно взять на себя долги по заработной плате акционированных предприятий и не о тотальной поддержке работников застойных сфер, а об адресной поддержке семей, оказавшихся в крайне трудной ситуации. Среди которых, увы, немало и работающих бедных, которые забыты властью, вытолкнуты ею за пределы и государства, и рынка. Пусть даже их ситуация не самая худшая, и они не первые в очереди нуждающихся, но совершенно сбрасывать их со счетов мы не имеем права.

Литература

- Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению.* (1998) М.: Моск. Центр Карнеги.
- Брейтуейт Дж. (1998), Старые и новые бедные в России / Кругман Дж. (ред.), *Бедность в России: Государственная политика и реакция населения.* Вашингтон: Всемирный банк, с. 33-74.
- Мисихина С.Г. (1999), *Социальные пособия, льготы и выплаты в Российской Федерации. Распределение по группам населения с различным уровнем дохода: проблемы и решения.* М.: TACIS, EDRUS 9410.
- Можина М.А. (отв. ред.) (1994), *Бедность: взгляд ученых на проблему.* М.: ИСЭПН РАН.

Можина М.А., Овчарова Л.Н. и др. (1998), *Борьба с бедностью: Повышение эффективности администрирования социальной политики на местах*. Научный отчет в Московское представительство Фонда Форда. М.: Интерцентр.

Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. (1998), Альтернативные подходы к определению бедности /Заславская Т.И. (ред.) *Куда идет Россия: Трансформация социальной сферы и социальная политика*. М.: Аспект Пресс, с. 209-218.

Atkinson, A.V. (1998) *Poverty in Europe*. Oxford: Blackwell.

Braithwaite, J. (1999), *Targeting and the Longer Term Poor in Russia*. The World Bank, processed.

Milanovic B. (1998), *Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*. Washington, D.C.: The World Bank.